

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

EX LIBRIS

Шестидесятницы

Вышли новые книги Лины Кертман и Нины Горлановой

Юлия Баталина

Героинь этого обзора многое связывает. Они не просто представители одного поколения и одной школы — пермского университетского филфака, но ещё и близкие знакомые. Но это — касаемо жизни, а если говорить о творчестве — ничего общего.

Лина Кертман — писательница обстоятельная, научного «замеса», но при этом очень эмоциональная. Всё, что она пишет, — это нечто личное, сплошная лирика, хоть и маскируется под литературоведение (книги о Марине Цветаевой) или, как в данном случае, под мемуары. Нина Горланова — беллетристка, ставшая поэтессой, и в её поэзии особенно ярко видны черты, заметные и по более известным прозаическим произведениям: неповторимая смесь мощной гуманитарной образованности и народного простодушия, которые только у Горлановой сочетаются в таких причудливых пропорциях.

2017 год был годом 100-летия не только Октябрьской революции, но и легендарных профессоров Пермского университета — историка Льва Ефимовича Кертмана и литературоведа Сарры Яковлевны Фрадкиной. Книга их дочери Лины Кертман, которая так и называется — «Книга дочери», издана в пермском издательстве «Титул» странным тиражом в 100 экземпляров на средства, собранные друзьями и учениками Кертманов.

Лина Львовна с дотошностью исследователя и с искренним чувством любящей дочери изучила письма и дневники родителей, рассказы их современников — изданные и неизданные — и дополнила их собственными воспоминаниями.

Эта семейная история начинается с известия о смерти Ленина в январе 1924 года. Сарра Фрадкина и Лёва Кертман одинаково юны, они живут в одном и том же городе — Киеве, но пока ещё не знакомы друг с другом, и рассказ о том, как по-разному в их семьях восприняли известие, сразу погружает читателя в атмосферу времени и места. Огромное достоинство «Книги дочери» — эффект присутствия: звуки, запахи, свет и тени киевских двориков, равно как и других мест, в которые переносит судьба героев книги.

Кстати, судьба вовсе не баловала профессорскую семью, которую мы, бывшие студенты, помним такой благополучной. Репрессии, фронт, эвакуация, борьба с космополитизмом, вынужденный переезд в Пермь из любимого Киева, крушение надежд, связанных с хрущёвской «оттепелью», тяжелейшее «пробивание» диссертаций, занявшее годы и подорвавшее здоровье их авторов. Но, как совершенно очевидно из книги Лины Кертман, всё это не беда, а полбеды, если семья вместе, если все живы! Как бы ни было ужасно вокруг, семья всегда спасёт и поддержит. А вот когда близкие люди уходят...

Эти эпизоды — самые драматичные в книге. Трагическая гибель любимого брата Сарры Яковлевны — лётчика Геры, ранняя смерть отца Льва Ефимовича, внезапная, скоропостижная смерть отца Сарры Яковлевны — на перроне Перми II, практически на пороге вагона, который должен был увезти его домой, в Киев, после поездки к детям. Наконец, скоропостижная и очень ранняя смерть самого Льва Ефимовича — едва отпраздновав 70-летие, он скончался, напряжённо работая над двумя своими главными книгами: учебником по истории культуры и монографиями о семье Чемберленов вышли уже без него.

Да, судьба вовсе не была ласкова к этой семье, и всё же главное ощущение, которое остаётся после чтения «Книги дочери», — это счастье. Наверное, иной и не может быть книга о детстве и юности, о любимых людях, однако здесь всё-таки особый случай: это счастье особенное, духовное, гуманитарное и в большой — очень большой — степени проистекает от общения с книгами и фильмами, от походов в театр, от собственного творчества. Читаешь — и живо вспоминаешь эти бесконечные споры о прочитанном за одну ночь свежем номере «Нового мира» или «Иностранки», заученные наизусть острые стихи молодых поэтов, очереди на фильмы Тарковского и спектакли Любимова. Конечно, модные книги, фильмы, музыка есть и сегодня, но нет этой атмосферы духовного голода, желания не просто потреблять, но обдумывать, обсуждать...

И — письма. Нынче их уже не пишут, это известно и уже не раз оплакано гуманитарной интеллигенцией; но и раньше их писали по-разному: кто-то дежурно, по необходимости, а кто-то — творчески, от души. В семье Кертманов был настоящий культ писем: их писали каждый день, все и всем. Лев Ефимович с курорта пишет отдельно Сарре Яковлевне, отдельно Лине, и мама с дочкой потом друг другу читают эти письма вслух. Письма — не «привет, у меня всё хорошо, корямят нормально, чувствую себя лучше», а обстоятельный рассказ о том, что прочитано, о том, какие мысли бродят в голове... Конечно, при написании книги Лина Кертман проводила отбор в огромном эпистолярном наследии своей семьи, может быть, даже некоторую правку, но тем не менее эти письма очень литературны.

Это впечатляет. История семьи Кертманов достойна даже не мемуарной книги, а настоящего романа, художественной прозы, большой саги, подобной столь любимой и Линой, и её родителями «Саге о Форсайтах».

«Книга дочери» грешит многими чертами, которых не может не быть в книге дочери, написанной наполовину для «внешнего» читателя, а наполовину — для родни. Здесь много деталей, понятных и близких только своим, довольно много повторов, повествование время от времени становится сбивчивым, пересекается... Люди, хорошо знакомые с Линой Кертман, говорят, что этот стиль очень напоминает саму Лину, несколько суматошную и очень эмоциональную.

Оценивать «Книгу дочери» трудно: практически все её нынешние читатели (и автор этого отзыва — не исключение) были знакомы с Кертманами, большинство — учились у них. У каждого есть личные воспоминания, связанные с этой семьёй, оставившей в Перми такой заметный след. Кертманы по-прежнему достояние Перми, её законная принадлежность, хотя никто из семьи в нашем городе уже не живёт.

Однако можно сказать точно: этот текст заслуживает лучшего издания. И уж точно — лучшего корректора. Очень неприятно находить опечатки и грамматические ошибки чуть ли не на половине страницы книги, посвящённой видным учёным-гуманитариям. Остается надеяться, что в следующем тираже — а он, по слухам, готовится — корректура будет сделана более тщательно.

Сборник стихов Нины Горлановой «В детские края» вышел в издательстве «Формат» (Санкт-Петербург) тем же загадочным тиражом — 100 экземпляров. Видимо, это теперь в порядке вещей.

На обложке — разумеется, репродукция картины Горлановой, она ведь ещё и художница. Сюжет религиозный — «Ласканье Марии». Добрая и любящая семья: Мария в красном, Иосиф в синем, соприкасаются лбами, младенец на руках у обоих. Совершенная, поч-

ти круглая композиция, лаконичные, чистые цвета. Очевидно хорошее знание мировой культуры, но простота рисовальной манеры выдаёт непрофессионализм художницы. Специалисты относят живопись Горлановой к наивному искусству, делая при этом оговорку, что сама она вовсе не наивна, а, напротив, очень глубока.

Это же можно сказать о её стихах. Они изысканно написаны — даёт о себе знать хорошее знание автором русской поэзии: с образцами вроде Мандельштама, который присутствует в этих стихах, в том числе как персонаж, невозможно допустить неряшливой рифмы или ещё какого формального изъяна. Что же касается содержания, то эти тексты простодушны и отчасти наивны. Очень во многом сюжеты стихов происходят из повседневности, которая окружает автора.

Горланова пишет трёхстишия и пятистишия. Есть у неё и более традиционные рифмованные стихи, но в «японских» миниатюрах особенно ярко виден специфический юмор поэтессы:

Греет, как шампанское,
Искристое хокку
В новогодний вечер.
Вариант для богатых:
Греет, как хокку,
Искристое шампанское
В новогодний вечер!

Бедность, конечно, не подарок,
Но зато как легко

Размораживать холодильник!

Сборник не зря назван «В детские края»: многие стихи в нём притворяются детскими. Эта нарочитая простота — как «наивность» горлановских картин: всё для того, чтобы за прозрачностью простых строчек виднее была правда жизни и очень своеобразный авторский взгляд на неё.

Щедро, весело, благодарно
Мышь грызёт, болит бок,
Муж — гений, но и я не бездарна.
Бессонница, Мурка, дети, Бог.